

О. А. КИРЬЯШ

ПРАКТИКА ПУТЕШЕСТВИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕ РУССКИМИ ИСТОРИКАМИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье по письмам, дневникам, воспоминаниям раскрываются особенности восприятия европейского пространства русскими историками второй половины XIX века. Анализируются цели, задачи и маршруты их заграничных путешествий.

Ключевые слова: пространство, образ Европы, русские историки.

В последнее время исследовательское сообщество значительное внимание уделяет процессу формирования, закрепления и репрезентации различных географических образов и интеллектуальных конструктов, которые выступают основой системы представлений исторической реальности. Одним из факторов конструирования образа территории являются путешествия, в бытовом смысле, «поездки куда-нибудь далеко за пределы родной местности, постоянного местопребывания»¹.

В ходе путешествия происходит обострение идентичности путешественника в силу столкновения его с иными культурными моделями и поведенческими образцами:

«путешествие способствует созданию целенаправленных географических образов, в структуре которых доля физико- и экономико-географической информации, статистических сведений и т.д. меньше культурных, эмоциональных, психологических элементов и связей, что ведет к “выпуклости”, рельефности, усложненной морфологии образа местности, страны, региона, через которые лежит путь. Такая структура образа означает, что большинство путевых записок, описаний, дневников социально значимы не с точки зрения достоверности сообщаемых сведений и фактов (часто низкой), а с точки зрения силы продуцируемого по ходу путешествия образа». Путешествие – мощный инструмент (де)мифологизации незнакомого пространства. Чужое пространство постоянно «фрагментируется и расщепляется. Пространство становится “пазловым”»². Эти пазлы образуют среду, сквозь которую пролегает маршрут путешественника.

Среди множества путешествий можно выделить путешествия с торговыми, политическими, познавательными и религиозными целями; с целью лечения или оздоровления и т.д. Для русских историков второй

¹ Толковый словарь...

² Замятин. Образы путешествий...; Замятин. 2003. С. 12.

половины XIX в. были приоритетны ознакомительные и образовательные путешествия, которые привели к новой маркировке исторического пространства, формированию их «ментальной карты». Мощное влияние на провинциалов оказывала уже имеющаяся «ментальная карта» столичного историка, в которой центральное место отводилось университету. Основные маршруты путешествий были связаны с научными центрами, «столицами» Западной Европы, которая обладала развитой системой университетского образования. Здесь преподавали ведущие профессора, формировалась европейская интеллектуальная среда.

Путешествия в Западную Европу предпринимались еще в конце XVIII в. Одним из первых русских историков, совершивших путешествие в Западную Европу, был Н. М. Карамзин. Результатом стало формирование представления о том, что Европейское пространство — не «идеологический конструкт, не мифологема, а географическая, историческая, политическая, экономическая реальность»³, которую необходимо изучать, исследовать и осмысливать. «Письма русского путешественника» открыли для России Европу как просвещенное пространство. Главной особенностью поездки Карамзина было то, что путешествие по Европе, по сути, заменило ему обучение в Университете. Поездка стала своеобразной альтернативой получения образования, так как она приводила к обогащению представлений о «другой» культуре, переживанию новых эмоций, впечатлений, появлению новых идей. Профессор Мориц из «Писем русского путешественника» провозгласил: «Ничего нет приятнее, как путешествовать... Все идеи, которые мы получаем из книг, можно назвать мертвыми в сравнении с идеями очевидца»⁴.

Заграничные путешествия историков продолжают и в XIX в., однако изменилась их цель. Стажировка за границей рассматривалась как необходимое условие для получения профессорского звания и дальнейшего преподавания в университете. Характер, направление и интенсивность путешествий на протяжении XIX в. были разными. Начиная с 1830-х гг. заграничные командировки выпускников университетов стали явлением распространенным, благодаря новой политике Министерства и деятельности попечителей учебных округов. Б. Н. Чичерин отмечал, что многие новшества в Московском университете были связаны с именем попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова:

При нем университет обновился свежими силами. Все старое, запоздалое, рутинное устранялось. Главное внимание просвещенного попечителя было уст-

³ Сабурова. 2003. С. 12.

⁴ Карамзин. 1980. С. 82.

ревлено на то, чтобы кафедры были замещены людьми с знанием и талантом <...> Он послал Грановского за границу, а Евгения Корша перевел библиотекарем в Москву. При нем вернулись из Германии посланные уже прежде Редкин, Крылов, Крюков, Чивилев, Иноземцев... Из-за границы молодые люди возвращались в Россию воодушевленные любовью к науке, полные сил и надежд⁵.

Период «мрачного семилетия» прервал налаживающие связи между русским и европейскими научными сообществами. В марте 1848 г. «в связи с революциями в Европе издано циркулярное предписание министра просвещения о приостановлении отпусков и командировок в чужие края по настоящим заграничным обстоятельствам»⁶. Практика заграничных путешествий была восстановлена Уставом 1863 г. Текст общего устава Императорских Российских университетов гласил:

Специальные средства университетов составляют их неотъемлемую собственность и предназначаются для таких по университетам расходов, кои имеют предметом преимущественно развитие их ученой деятельности. Сообразно с сим специальные средства университетов употребляются: а) на учреждение специальных курсов; б) на напечатание с разрешения Совета сочинений ученого содержания, удостоенных к тому факультетами; в) на премии и награды за решение задач, предлагаемых от Университета <...> з) на ученые путешествия и командировки...

Главными причинами возвращения к практике заграничных стажировок было «решение кадрового вопроса в университетах и установление более тесной связи между русской и европейской наукой»⁸. Необходимость поездок за границу отмечал и А. Н. Пыпин:

Становилась очевидной громадная разница в нашем научном уровне и уровне европейском; было осознано, что для сколько-нибудь правильного изложения той или другой науки на университетской кафедре русский ученый не мог быть ограничен одними средствами нашего, так сказать домашнего обучения, что ему надо познакомиться с постановкой дела в главных очагах европейской науки⁹.

Первые русские исследователи были отправлены за границу уже в апреле 1862 года. Из 19 человек историко-филологического факультета, отправленных за границу в 1862–63 гг., подавляющее большинство составляли исследователи, занимающиеся вопросами всеобщей истории. Только представитель кафедры «русской истории» Н. П. Барсов приготовлялся в России, то есть заграничного путешествия не совершал.

Направляться за границу историки могли не только университетом, но и при содействии Министерства народного просвещения. Имен-

⁵ Воспоминания... Т. 2. С. 30.

⁶ Сборник...

⁷ Общий устав...

⁸ Трохимовский. 2007. С. 62.

⁹ Пыпин. 1996. С. 167.

но при поддержке Министерства совершил в 1842 г. путешествие в Европу ординарный профессор М. П. Погодин; он не только поправлял здоровье, но и имел поручение «войти в сношения с Копенгагенским Обществом Изыскателей Древности»¹⁰. В феврале 1862 года профессор К. Д. Кавелин был командирован за границу для анализа организации высшего образования в Европе и консультаций по поводу составленного особой комиссией проекта университетского устава. В своих статьях и отчетах о путешествии в Журнале Министерства Народного Просвещения¹¹, он подробно анализировал систему образования Германии и Франции, роль профессорского состава в учебном процессе и т. д. Кавелин пришел к выводу о превосходстве немецких университетов перед французскими в том, что касалось роли и значения профессоров.

Профессор существует в Германии не для того, чтобы оправдывать, защищать, поддерживать действующие в стране положение, устройство или господствующие убеждения — и это вводит нас ближе в его роль и призвание: немецкий профессор на кафедре не есть политическое лицо, политический деятель, ни в отрицательном, ни в положительном, ни в хорошем, ни в дурном смысле слова. Он орган науки, ее исследователь, толкователь; наукой и ее изложением ограничивается весь круг его деятельности на кафедре¹².

Еще в первой половине XIX века начинает закладываться традиция отправления за границу историков, занимающихся вопросами всеобщей истории. Т. Н. Грановский в ходе своего заграничного путешествия в 1836–1839 гг. посетил Париж, Берлин, Прагу, Вену; П. Н. Кудрявцев побывал в Берлине, Гейдельберге, Париже. П. Г. Виноградов, совершал поездки в Германию, Италию, Англию, скандинавские страны.

Во второй половине века по замечанию А. Н. Пыпина «...поездки за границу для учения стали обыкновенным делом; подражание иноземным образцам становилось обыкновенным условием для приобретения каких-либо новых успехов в знании, искусстве, ремесле и прочем...»¹³. В 1862 г. В. И. Герье отправляется в командировку за границу с учебной целью. Первый семестр 1862 г. он провел в Берлине, где слушал лекции Моммзена, Ранке. Помимо Берлина Герье посетил Гейдельберг, Рим, Неаполь и Бонн. Д. А. Цыганков отмечает: «Берлин оставил у Герье двойственное впечатление. С одной стороны, это была цитадель немецкой образованности. Ведь именно из Берлина во все немецкие университеты приходили профессора истории, которые в значительной

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 11. Д. 180. Л. 1.

¹¹ *Кавелин*. 1862; Извлечение...; *Кавелин*. 1863.

¹² *Кавелин*. 1863. С. 8.

¹³ *Пытин*. 1889. С. 298.

степени были учениками Ранке. Однако Герье не устроил общий подход к восприятию истории немецкой школой. <...> Герье желал видеть в истории науку концептуальную, идейную»¹⁴.

Командирование за границу небольшого числа молодых преподавателей и ученых продолжается и в 1870-е гг. За 1874–1878 гг. по историко-филологическому факультету было командировано 6 чел., из них трое – по кафедре всеобщей истории. Молодые историки, специализировавшиеся по истории России, за период с 1874 по 1878 гг. за границу с целью приготовления к профессорскому званию не командировались.

В 1877–1878 гг. Париж посетил Н. И. Кареев, где работал в Национальной библиотеке, в Национальном архиве в Париже, И. В. Цветаев посетил Грецию, Флоренцию, Лондон¹⁵. В 1885 г. В. И. Герье добился для М. С. Корелина заграничной научной командировки, в ходе которой молодой ученый посетил Германию, Австро-Венгрию, Швейцарию, Италию, Великобританию. И. М. Гревс в 1890-е гг. побывал в Риме и Париже. Своей радостью он делился с К. Н. Бестужевым-Рюминым:

«Я командирован за границу на год... Замечательно сильное средство для научного саморазвития – воспользоваться пребыванием за границей, это чувствуешь и осознаешь здесь ежеминутно...»¹⁶.

Историки-всеобщники занимались за границей сбором материала для своих исследований, целенаправленно и систематично посещали лекции ведущих европейских профессоров. В. Хорошевский в отчете пишет: «...Я посещаю лекции в *Ecole des Chartes* и *Collège de France*. В *Collège de France* я хожу на лекции профессоров Лабуле и Бодрильера. Первый из них занимает кафедру сравнительной истории законодательств, второй – политической экономии»¹⁷. М. С. Корелин пишет В. И. Герье об интенсивном графике работы:

Вот мой день в Берлине: с 9 до 12 или до часу – на лекциях и в *Leschalle* – для просмотра газет; с 12–3 – в королевской библиотеке, с 5–8, 9–12 – дома занимаюсь. Больше одного вечера в неделю я не могу тратить, а потому, напр[имер], был только два раза в театре... а тут еще музеи, галереи, куда постоянно тянет и где тратишь достаточно времени. Приходится рассчитывать каждый час, чтобы потом не краснеть перед самим собою, чтобы иметь право сказать, что сделал все возможное». Но не все устраивало историка: «Университет поражает количеством научных сил, привлекает свободой преподавания, но опять не удовлетворяет вследствие элементарности курсов» (Письма М. С. Корелина...).

¹⁴ Дыганков. В. И. Герье и историческая наука...

¹⁵ РНБ. Ф. 608. Д. 1400. Л. 32об.-65об.

¹⁶ Письмо И. М. Гревса... С. 185-186.

¹⁷ Извлечения... С. 79-81.

Критичность в восприятии Европы и европейского образования напрямую зависела от профессионального уровня исследователя. Однако европейские взгляды и идеи воспринимались, что впоследствии находило отражение в исследованиях и новых университетских курсах.

О заграничных поездках мечтали и историки, изучавшие историю России. Молодой Е. А. Пресняков писал матери: «Он [Платонов], между прочим, обещал устроить мне на будущее лето, заграничную командировку от университета. Ох, кабы это в самом деле удалось! А почему бы и нет? Устроил же Платонов в нынешнем году такую командировку для Полиевктова [в Италию]»¹⁸. О желании побывать за границей писал С. Ф. Платонову М. А. Дьяконов: «В мае предполагаю в Париже прочесть курс истории государственной власти в России, если получу своевременный отпуск из министерства. Школа мне предлагает 1000 фр., а это для меня единственный случай побывать за границей». Поездка не осуществилась: «Попаду ли я в ближайшее время в С[анкт-]П[етербург], еще не знаю. Хочется мне все же съездить за границу, по крайней мере, в Германию»¹⁹. Однако, командирование их за границу, в представлении Министерства Народного Просвещения, не являлось необходимым.

Для историков России характерны ознакомительные путешествия в Европу, которые совершаются ими самостоятельно, либо за счет почитателя. Именно так совершил заграничное путешествие С. М. Соловьев. Научная цель была только сопутствующей: маршрут его заграничного пребывания определял С. Г. Строганов. Посещение тех или иных городов и мест Б. Н. Чичериным, во многом, зависело от семейных обстоятельств (женитьба брата, смерть отца). Однако, при всей условности маршрута, были места, посещение которых являлось своеобразной традицией. Таковыми были Франция, Германия и Италия. Первые две в силу различных причин оказались для русских историков второй половины XIX в. наиболее привлекательными. «Франция и Германия – вот те две стороны, под влиянием которых непосредственно находились и теперь находимся. В них, можно сказать, сосредоточивается для нас вся Европа. <...> Всю образованную Россию можно справедливо разделить на две половины: французскую и немецкую, по влиянию того или другого образования...»²⁰. Здесь был самый высокий уровень образования, сильные университеты, ведущие преподаватели в области истории, географии, философии, филологии и т.д.

¹⁸ Цит. по: Корзун, Мамонтова, Рыженко. 2002. С. 100.

¹⁹ РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2860. Л. 28об.; Л. 30об.

²⁰ Шевырев. 1995. С. 156.

Представление о Германии как о стране просвещенной и ее университетах как о центрах учености сложилось еще в 1830-40-е гг., что подтверждают записи и воспоминания Н. В. Станкевича, П. В. Анненкова, Т. Н. Грановского²¹. Это время широкого распространения философии Гегеля. Между тем, увлечение трудами философа, захватившее поначалу лишь студенческие круги одновременно в различных университетах, довольно быстро вышло за пределы кружков и «захлестнуло и залило широкою волною все общество», проникнув даже в сферы, далекие от философии. «Известно, что в те годы в философских терминах рассуждали о повседневных семейных делах, характеризовали друзей и знакомых, решали денежные проблемы. О Гегеле не забывали даже в минуты веселья. На одном благотворительном бале гостям пришлось в голову провозглашать тосты за категории гегелевской логики. Начали с тоста за «чистое бытие», а закончили последней категорией – «идея»²².

Не удивительно, что Н. П. Огарев сравнивал роль, которую играла философия Гегеля в России, с ролью религии²³. В это время Германию посещает С. М. Соловьев. «Без какой-либо системы юноша посещал лекции оппонента Гегеля, философа Ф. Шеллинга, К. Риттера, Ф. Раумера, А. Бека, историка Л. Ранке. Манера чтения и их содержание, во многом известное уже из ранее прочитанных сочинений этих профессоров, не удовлетворили Соловьева. Так что Берлин он покидал без особого сожаления»²⁴. Следующим пунктом его путешествия был Париж.

Образ «революционной» Франции не препятствовал путешествиям историков в эту страну. Париж оставался заветной целью. Свои впечатления о Париже С. М. Соловьев выразил так: «Париж был неповторим! Он казался подлинным центром Европы, средоточием ее духовной, умственной, политической, промышленной жизни»²⁵. Просвещенность Парижа воспринималась, прежде всего, через его библиотеки²⁶.

Б. Н. Чичерин посещает Гейдельберг, где слушает лекции по праву:

²¹ Анненков так описывал Берлинский университет: «Университет, в котором читает Гердер – философию, Гого – эстетику, Витке – богословие, Риттер – географию, и множество других лиц, имена которых известны Германии и свету». *Анненков. Путевые заметки...*

²² *Кучурин. Религиозный мир...*

²³ См.: *Чижевский. 1939.*

²⁴ *Шаханов. 1996. С. 179.*

²⁵ Цит. по: *Цимбаев. 1990. С. 114.* См. также: *Соловьев. 1996. С. 73.*

²⁶ «Здесь восемь публичных библиотек и двадцать два театра – трудно соскучиться! Но лучшие библиотеки далеко от меня и потому я нашел средства, получив ручательство от нашего посланника, брать книги на дом из Королевской библиотеки, самой полной». Там же. *Соловьев. 1996. С. 74.*

...прослушав две, три лекции, я увидел, что они не принесут мне ни пользы ни удовольствия... Поэтому я решил пока изучать все существующие учебники как новые, так и старые: Моля, Блунчли, Цахарие, Шмитгеннера. Скоро я увидел, что это все, что мне было нужно. Слушать общий курс весьма полезно для человека, которому это еще заново, у которого не выработались собственные взгляды. А я достиг уже той степени зрелости, когда мне для пополнения моих сведений нужно было главным образом живое и подробное, а не приобретаемое на студенческой скамье, более или менее элементарное знакомство с учреждениями»²⁷.

После Гейдельберга Чичерин едет в Берлин, надеясь найти там достойных профессоров. Тогда же Берлин посещает А. Н. Пыпин: «В университете было чрезвычайно любопытно послушать знаменитых профессоров... мне приятно бывало потом вспоминать, что я слышал не однажды знаменитого Риттера, основателя новой географии, и не менее знаменитого Леопольда Ранке; более специальной знаменитостью был тогда Рудольф Гнейст»²⁸. Германия была олицетворением «научной» Европы, туда русские историки стремятся за новыми идеями: «Я по собственному опыту знаю, что заниматься нашему брату можно только в Германии. В Париже это весьма мудрено. <...> В Берлине лучший немецкий университет...»²⁹. В 1862–64 гг. Германию и Австрию посещает Н. А. Попов, где собирает материал для докторской диссертации. Очарование Германией и ее «просвещенностью» продолжается и в 1890-е гг.

В поездках за границу русские историки обнаруживали критическое отношение к Европе и европейскому знанию, освобождались от мифологизации, присущей историческому сообществу с XVIII в.

Отличительной чертой поездок в 1870-е гг. стали рекомендации по посещению тех или иных мест и людей. Так, К. Д. Кавелин советовал Д. А. Корсакову: «Ведите себя умненько с иностранцами, то есть без излишней фамильярности, и без фальшивого поклонения. <...> Отыщите в Бонне Александра Ильича Сребицкого (его всякая собака там знает) поклонитесь ему от меня, скажите, что Вы мой племянник и что по моему совету Вы обращаетесь к нему. Он Вам все расскажет...»³⁰.

Поездка за границу для русского историка была настоящим событием, часто сопровождалась пересмотром всей его предыдущей исследовательской деятельности. Именно такое переосмысление произошло в результате итальянского путешествия К. Н. Бестужева-Рюмина в 1882–1883 гг. Итальянская среда создавала особые условия для научного саморазвития и поиска. Посещение Рима настолько вдохновило русского

²⁷ Воспоминания... Т. 3. С. 86-87.

²⁸ Пыпин. 1996. С. 172.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 568. Л. 6.

³⁰ ИРЛИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 об.-2.

историка, что по возвращении в Россию он задумал чтение курса по истории Рима. «И когда наступит время возвращаться в Россию к прежним занятиям (в Италии он еще думал, что это возможно для него), то окажется, что новые интересы значительно оттеснили прежние: раздумывая какой курс объявить в университете, новой ли Русской истории или историографии, Бестужев признается, что всего более ему хочется читать историю Римскую...»³¹. В то же время, еще будучи студентом, Италию посетил П. Н. Милюков. Италия представляла как место соприкосновения с высокой культурной традицией Античного мира. Однако существовала опасность попасть в сеть обаяния Флоренции, Венеции и Рима. Милюков вспоминал: «Я, однако, не хотел поддаваться первому впечатлению. Мой план был не любоваться, не восторгаться, а учиться»³². Н. Н. Платонова в письме к К. Н. Бестужеву-Рюмину сообщала о поездке Е. Ф. Шмурло³³. Цель, которую он поставил перед собой, – разыскание материалов по русской истории в местных архивах и библиотеках. В «Отчете о заграничной командировке осенью 1897 г.» Шмурло писал: «настоящая командировка, испрошенная на двухмесячный срок, с 1 сентября по 1 ноября 1897 г. была вызвана желанием пополнить материал, собранный мною в первые поездки за границу, без чего я не считал возможным приступить к напечатанию предложенного сборника документов по истории России в конце XVII и начале XVIII столетий»³⁴.

С другой стороны, за Италией прочно закрепляется образ страны для отдыха и лечения. В этом случае путешествие в Италию становится «лекарством для души и тела». В представлениях русского исторического сообщества Италия превращается в «желанную родину»³⁵. Д. А. Корсаков сообщает о своей поездке с семьей в Италию: «Вследствие настоятельного требования нашего домашнего врача, профессора Котовцева, мы ездили нынешней осенью на морские купания в Италию, купания были, главным образом, необходимы Косте... Мы пробыли по две недели в Венеции и в Риме и 3 недели в Пельи, близ Генуи...»³⁶. Италия очаровывала путешественников, наполняла гаммой впечатлений и переживаний. Чичерин описывал свои переживания от посещения Италии: «... я испытал полное очарование. Вся дорога представляла для меня ряд совершенно новых, поразительных впечатлений. Проведя всю

³¹ Шмурло. 1899. С. 257.

³² Милюков. 1955. С. 106.

³³ См.: Письма Н. Н. Платоновой и С. Ф. Платонова. С. 206.

³⁴ Шмурло. 1898. С. 3.

³⁵ Свешиников. 2004. С. 173.

³⁶ РНБ. Ф. 621. Д. 425. Л. 16.

жизнь в убогой русской степи, я никогда не видал ни моря, ни скал. Здесь и то и другое явилось мне в неведомом дотоле величии»³⁷.

Еще одно направление заграничных путешествий русских историков – славянские центры в Европе. М. П. Погодин, затем С. М. Соловьев и другие налаживают взаимоотношения со славянскими учеными и исследователями. В 1860-х гг. Н. А. Попов посещает культурные центры славян, дополняет полученные сведения поездкой в 1870 г. в Константинополь и в болгарские владения Османской империи. Прямым итогом этой поездки стал специальный курс по истории южных и западных славян, который Н. А. Попов начал читать на историко-филологическом факультете Московского университета. Это был первый систематический курс, читанный в Московском университете после лекций на эту тему профессора О. М. Бодянского. Оценивая значение курса лекций Н. А. Попова по истории южных славян для развития русской славистики, известный исследователь Л. П. Лаптева писала: «С этого времени история славянских народов уже как отдельная дисциплина стала читаться в Московском университете профессорами по всеобщей или русской истории, а иногда и специалистами по истории славян»³⁸.

Таким образом, русские историки посещали иностранные университеты с целью «расширения и углубления общего исторического образования»³⁹. Немецкие университеты были первой и основной ступенью в профессиональном становлении молодого ученого. Слушая лекции профессоров в их стенах, занимаясь в библиотеках и архивах, русские историки знакомились с проблематикой европейских исследований, их методологической основой, комплексом подходов и методов, применяемых европейской наукой. Из Германии русские историки для дальнейшей научной специализации ехали в Англию, Италию, Францию.

Однако И. М. Гревс в 1893 г. опубликовал статью «Очерки современного исторического преподавания в высших учебных заведениях Парижа», в которой отмечал, что «еще недавно французские историко-филологические факультеты едва ли заслуживали названия настоящих высших учебных заведений. Читавшиеся в них публичные лекции, блестяще построенные на чисто ораторских основаниях, предназначались не для студентов (таковых и не было), но для неопределенной, постоянно меняющейся аудитории». Важнейшим недостатком исторического образования является, по мнению историка, спрятанность методик, ос-

³⁷ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина... С. 23.

³⁸ Гутнов. Нил Александрович Попов...

³⁹ Свеишиков. 2003. С. 217.

воение которых необходимо для профессионального роста. Обучение дает не столько метод, сколько результат, «готовое знание». «Более тонкие приемы исследования» можно изучить в Школе Хартий». Высокий престиж немецких университетов остается в этот период неизменным. «Я пошел к немцам за настоящей наукой», – провозгласил, отправившись в Германию для обучения у Т. Моммзена, В. Иванов⁴⁰.

В отличие от Н. М. Карамзина, который ехал в Европу для получения образования и расширения кругозора, русские историки второй половины XIX в. совершали путешествия, уже получив образование в университете, имея более или менее сформировавшееся представление об окружающем мире, обладая собственным видением исторического процесса и особенностями его протекания в России и Европе.

Весьма показательно, что к 1890-м гг. уже и исследователи из-за границы стремятся попасть в Россию. В частности Е. Ф. Шмурло обращается к С. Ф. Платонову с просьбой: «Позвольте рекомендовать Вашему вниманию м-г Naumann: он до известной степени наш собрат по оружию (*chargé de cours*) русского языка и русской истории в Лилльском университете. Еще новичок, он хотел бы еще многому подучиться, кое-что повидать, – он славный малый, и я был бы весьма рад, если бы Вы не оставили его своими указаниями и советами»⁴¹. Пример, достаточно важный, показывающий процесс складывания единого европейского интеллектуального пространства.

Таким образом, заграничные путешествия выступали не только средством диалога русского исторического сообщества с европейским научным миром, но и важной, неотъемлемой составляющей в профессиональном становлении и развитии, формировании представления о Европейском пространстве русских историков второй половины XIX в. Во время путешествия по Европе они сталкиваются с реалиями, которые заметно колеблют идеальный образ этого пространства. Однако он не разрушается, наоборот, он подкрепляется индивидуальным опытом и на смену идеальному образу Европы приходит более реальный. И как итог – все новые поколения русских историков греют о Европе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анненков П. В. Путевые заметки. – URL: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0060.shtml (время доступа 15.05.2007).
Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: В 3-х т. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1929. Т. 2. 296 с.

⁴⁰ Сवेशников. <http://www.igh.ru/conf/tesis1/svesh.htm>

⁴¹ РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4662. Л. 17-17 об.

- Гутнов Д. А. Нил Александрович Попов (штрихи к творческому портрету) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/HisUni/Popov>.<http://www.hist.msu.ru/Science/HisUni/Popov.htm> (время доступа 21.02.2008).
- Замятин Д. Н. Географические образы путешествий // Культурное пространство путешествий: Материалы научного форума. СПб.: Центр изучения культуры, 2003. С. 10–13.
- Замятин Д. Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/01/14/0000246535/002.ZAMIATIN.pdf> (время доступа 19.02.2007).
- Извлечение из письма К. Д. Кавелина от 4/16 октября 1862 // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1862. № 8. С. 85–97.
- Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1963. Часть СХVIII. С. 79–81. ИРЛИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 26.
- Кавелин К. Д. Очерки французского университета // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1862. № 6. С. 1–27; № 7. С. 1–44.
- Кавелин К. Д. Свобода преподавания и учения в Германии // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1863. № 3. С. 3–25.
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1980. 544 с.
- Корзун В. П., Мамонтова М. А., Рыженко В. Г. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век. М.: Институт российской истории РАН, 2002. С. 92–139.
- Кучурин В. В. Религиозный мир С. М. Соловьева [Электронный ресурс]. – URL: www.it-n.ru/Attachment.aspx?Id=4835 (время доступа 27.07.2008).
- Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2-х т. Нью-Йорк: изд-во им. А. П. Чехова. Т. 1. 1955. 438 с.
- Общий устав Императорских Российских университетов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lib.ru/TEXTBOOKS/ustaw_18.txt (время доступа 27.05.2008).
- Письма М. С. Корелина В. И. Герье // История и историки. 2005. № 1. – URL: http://www.portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?showfull&id=1192095290&archive=&start_from=&ucat=18 (время доступа 30.01.2008).
- Письма Н. Н. Платоновой и С. Ф. Платонова // Малинов А. В. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб.: Издательство С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 206–215.
- Письмо И. М. Гревса К. Н. Бестужеву-Рюмину // Малинов А. В. К.Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб.: Издательство С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 185–186.
- Пытин А. Н. Мои заметки. Саратов: Изд-во «Соотечественник», 1996. 332 с.
- Пытин А. Н. Россия и Европа // Вестник Европы. 1889. Январь. С. 296–337. РНБ. Ф. 568.
- РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2860.
- РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4662.
- РНБ. Ф. 608. Д. 1400.
- РНБ. Ф. 621. Д. 425.

- Сабурова Т. А. Европа в пространственных представлениях русской интеллигенции первой половины XIX века // Материалы Международной конференции «Россия-Тургенев-Европа» (17–18 ноября 2003 г.). М.: Библиотека-читальня им. И. С. Тургенева, 2003. С. 11–16.
- Сборник Министерства Народного Просвещения. 1848. Т. 2. 994 с.
- Сवेशников А.В. Европейские национальные научные традиции в восприятии русских историков-путешественников второй половины XIX в. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.igh.ru/conf/tesis1/svesh.htm> (время доступа 23.09.2008).
- Сवेशников А. В. Зарубежные командировки русских историков конца XIX- начала XX в. // Культурное пространство путешествий. Материалы научного форума. 8-10 апреля 2003 г. СПб., 2003. С. 213–219.
- Сवेशников А. В. Итальянские путешествия в текстах русских историков конца XIX–начала XX вв. // Диалог со временем. 2004. № 13. С. 172–187.
- Соловьев С. М. Письма на родину. 1842–1844 гг. // С. М. Соловьев. Первые научные труды. Письма. М.: Археографический центр, 1996. С. 65–108.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939. Т. III. 1078 с.
- Трохимовский А. Ю. Политика министерства народного просвещения по подготовке молодых ученых за границей (1856–1881) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2007. № 1. С. 58–68.
- ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 11. Д. 180.
- Цимбаев Н. И. Сергей Соловьев. М.: Современник, 1990. 366 с.
- Цыганков Д. А. В. И. Герье и историческая наука второй половины XIX века в Московском университете. – URL: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0060.shtml (время доступа 24.04.2008).
- Чижевский Д. И. Гегель в России. Париж, 1939.
- Шаханов А. Н. Становление ученого // С. М. Соловьев. Первые научные труды. Письма. М.: Археографический центр, 1996. С. 137–201.
- Шевырев С. П. Взгляд русского на образование Европы // Смолкина Н. С. Россия и Запад в отечественной публицистике XIX в. М., 1995. Т. 1. С. 152–171.
- Шмурло Е. Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева Рюмина (1829–1897). Юрьев: Типография К. Маттисена. 1899. 418 с.
- Шмурло Е. Ф. Отчет о заграничной командировке осенью 1897 года. Юрьев, 1898. 143 с.
- Кирьяш Оксана Андреевна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социологии, политологии, психологии и педагогики Омского государственного аграрного университета; mml1982@yandex.ru